

Гостеприимство, радушие, раскованность, уют, беззлобность, беззаботность, знакомства, чай — и день ненастный позади. У Леона Карамяна была способность сдруживать людей; он сам был дом, — без тени истительности, ожесточения и других атавистических качеств, — в котором создавалась атмосфера доверия, внимания. Быть может поэтому, — не говоря о личном обаянии, эрудиции, любви к литературе, вообще к мастерству, — в его доме /а таких все меньше/ собиралась творчески беспокойная молодежь. Собирались для чтения новых произведений, для выставок, для разговоров "о жизни", собирались, навещали Леона и потому, что негде было встретиться, угоститься свежей шуткой, а иногда и пополадничать, негде.

Быть просто личностью. Быть невыжигаемой, нестираемой индивидуальностью, что всегда и хлопотно, и опасно. А когда "какой-то" фатум, рок, судьба настигают в образе неизвестного мотоциклиста на шоссе /Леон возвращался к морю с гор, по летнему прост был день/, в Крыму, с друзьями, здоровый, удачливый, сильный, с улыбкой, со взглядом по ветру сквозь зной, опадавший волной... когда настигает случайная смерть, говорят, что она неслучайна.

Леон жил бесстрашно, не мучился раскаяниями, психозами, не страдал желчностью, не был одинок, не был лишен жизненности, доброты, юмора: сверкающий умом каламбур, намек, пауза, ладошью-жест, полуулыбки тень, движение брезей, вздох, твердость, афоризм, победа.

Как-то я спросил: — Леон, почему ты не пишешь хотя бы новеллы? И чувство слова есть, и речь занимательна, и мысль, и опыт? Он ответил с усмешкой: — Таланта нет. Пока мысль от головы по руке к перу идет, исчезает вся стройность и глубокость слов. — Все впереди еще, — с шуткой обнадеели я.

Перед отъездом он спросил, почему я так тревожно выгляжу; я ответил что-то вроде: не получается повесть. Он спросил еще /шутя/: боюсь ли я смерти? И я в том ответил, что не боюсь, но есть беспокойство за незавершенную работу. Я видел его последний раз ницком на диване, у изголовья сидела мать, отец стоял в дверях и курил. Он спал перед дальней дорогой, и попрощаться я не смог.

В день его кончины мне приснился тяжелый сон. Даже не назовешь его кошмаром, настолько он был невыносим. Снились катастрофы, кровь, дороги. Я проснулся и записал час сновидения и день, ощутив несомненную связь с чем-то или с кем-то. Через неделю узнал, что связь между гибелью Леона и хутким сном была прямая. Молчание, цинк, сердцебиение, бетон, цветы, бредовые кусты в безлюдной чаще безрассудной тени: то Друг ушел. Но признаться, я не очень верю, что он действительно ушел. Надежду оставляю и здесь.

Б.К.